

*И.А. Мейкшан***Элита, аристократия, знать в кочевом обществе:
некоторые аспекты изучения по материалам посменных
и археологических источников****I.A. Meykshan***Elite, Aristocracy, Nobility in a Nomadic Society:
Some Aspects of Studying on Materials
of the by Turns and Archaeological Sources**

Работа посвящена рассмотрению теоретических и исторических аспектов, связанных с изучением властных элементов кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья. На основе данных письменных и археологических источников производится выявление таких групп социального пространства, как элита, знать и аристократия, а также определяются их отличительные признаки и характерные функции.

Ключевые слова: Центральная Азия, кочевники, теория элит, кочевая элита, социальная организация.

Реконструкция властных элементов в кочевых обществах требует от исследователя применения тех или иных дефиниций для обозначения группы лиц, выполняющих функции управления и обладающих кратическими полномочиями. Традиционно для этого применяются такие категории, как «знать» и «аристократия», однако в настоящее время в области социальной номиналогии все чаще используется понятие «элита».

Из-за наличия общих черт между данными определениями нередко происходит смешение и потеря их идентичности, что, в свою очередь, негативно отражается на результате исследования. Для избежания подобных ситуаций необходимо обозначить характерные черты для каждой из представленных выше категорий, определив их место и роль в общественной и политической системах кочевников Центральной Азии пазырыкского и хуннского времени.

В современной политологии далеко не всегда представлены различия между знатью, аристократией и элитой. Так, в энциклопедическом словаре политологии дано следующее определение: «аристократия – привилегированная знать. Применительно к политическим элитам современного общества

This work is dedicated to consideration of the theoretical and historical aspects connected with studying power elements typical of Central Asian nomads in the Late Antiquity and the early Middle Age. Written and archaeological sources allow us to reveal such groups as elite, nobility and aristocracy and determine their peculiarities and the characteristic features.

Key words: Central Asia, nomads, theory of elite, nomadic elite, social organization.

термин «аристократия» употребляется в негативном смысле» [1, с. 27]. Американский политолог Джерри Дэвид также отмечает, что аристократия – это «наследственная элита или класс знати» [2, с. 37]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что далеко не всегда представляется возможным дать конкретные характеристики указанным терминам, так как им часто задается идентичная смысловая нагрузка.

В то же время некоторые политологи указывают на то, что аристократия является не столько сословной стратой, сколько особой формой политической организации, при которой власть принадлежит привилегированным группам общества, внутри которых аккумулируются и ретранслируются моральные, этические и духовные ценности социума [3, с. 169–170; 4, с. 71; 5, с. 74 и др.]. Таким образом, представляется возможным разделить категории «знать», «аристократия», «элита», а также обозначить их отличительные черты.

Как отмечалось выше, аристократия представляет собой форму политической организации [6, с. 19], но в то же время она отождествляется с привилегированным сословием, обладающим властными полномочиями в рамках данной политической системы [4,

* ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2009-1.1-301-072-016, тема «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности»).

с. 71]. К отличительным чертам аристократии можно отнести следующие:

1) родовое наследование. В аристократическую среду достаточно трудно попасть «извне» в силу замкнутости группы, однако для рожденных внутри нее социальный статус сохраняется пожизненно, что определяет низкую социальную динамику аристократических родов. Именно данный фактор играет основную роль в процессе вырождения аристократии [3, с. 170];

2) ценностно-нормативная ориентация. Следует отметить, что представители аристократии всегда являли собой эстетический и этический идеалы эпохи, тем самым сохраняя и передавая существующие нормы и традиции из поколения в поколение;

3) консерватизм взглядов и убеждений. Постепенно аристократия олицетворяется с классическим, а впоследствии современным консерватизмом. Ее чертами становится защита традиционных устоев, убежденность в незыблемости ценностей, ориентация на эволюционное направление в развитии общества и отвержение революционных изменений [4, с. 71].

В настоящее время исследователи выделяют родовую, денежную, умственную, чиновную, военную аристократию [5, с. 74].

Таким образом, перечисленные черты характеризуют аристократию как замкнутую, достаточно малочисленную группу, которая имеет властные полномочия, но обладает весьма низкой социальной динамикой, что отличает её от знати и элиты общества.

Категория «элита» достаточно схожа по своим характеристикам с аристократией, таким, например, как замкнутость группы, однако в отличие от последней элита является более динамичным элементом политической системы. Определяя элиту как «ключевой элемент, структурирующий социальное пространство» [7, с. 75], исследователи признают исключительную необходимость её наличия и функционирования для стабильного развития общества. Элита как лучшее меньшинство является необходимым элементом социокультурной динамики: она ставит перед обществом конкретные цели и задачи для обеспечения благоприятного развития системы, а также создает необходимые условия для их реализации [8, с. 41–49; 9, с. 30–38; 10].

Обозначим следующие характерные черты элиты: 1. Элита является функциональной группой. Ее формирование и развитие непосредственно связано с существующей ситуацией, изменение которой влечёт за собой смену или частичную замену существующей элиты.

2. Высокая социальная активность. Обладая развитыми когнитивными способностями, представители элиты способны быстро реагировать на дестабилизацию социально-политической системы,

в кратчайшие сроки сориентировав ее на оптимальный путь развития.

3. Динамичность развития. Именно элита является первичным звеном ретрансляции инноваций в обществе, культивируя представление о престиже и моде, тем самым определяя уровень динамики всей социальной системы.

Понятие «знать» более обширное по своему содержанию, поэтому обозначить его границы достаточно сложно. В политологических исследованиях данный термин не употребляется обособленно, но рассматривается в сопряжении с другими близкими категориями. Так, С.И. Ожегов приводит следующее определение: «знать – ... аристократия, высший слой привилегированного класса [11, с. 230], а А.А. Кредер указывает на то, что «аристократия ... в широком смысле – это сама родовая знать» [6, с. 19]. Таким образом, данная категория является более нарицательной, вбирая в себя характеристики правящего класса в широком смысле слова, подходящим как для определения аристократии, так и элиты социума.

Тем не менее, если исходить из анализа базовых элементов понятия «знать», возможно выделить отличительные черты данного феномена: 1) отсутствие внутренних дефиниций. Знать как синоним правящего класса лишь разделяет социальное пространство на управляющих и управляемых, не внося каких либо внутренних дефиниций; 2) среднее звено государственного аппарата. Принадлежность к знати указывает на наличие кратических полномочий среднего порядка, а также определенное социальное положение. Вследствие этого знать занимает промежуточное место между низшими слоями общества и его элитой; 3) Открытость и высокая социальная мобильность. В отличие от аристократии и элиты знать не представляет собой замкнутую группу, свободно включая в себя новые элементы. Наиболее способные индивиды в среде знати являются рекрутируемым потенциалом правящей элиты.

Таким образом, наш обзор показал, что несмотря на некоторые сложности в уточнении границ исследуемых терминов, представляется возможным обозначить их характерные черты, позволяющие в дальнейшем рассмотреть данные дефиниции на примере социально-политических систем кочевников Саяно-Алтая. Нужно отметить, что не следует рассматривать аристократию, элиту и знать в отрыве друг от друга, так как они взаимосвязаны многообразием внутренних и внешних отношений, а их разделение во многом носит условный характер.

Имеющийся опыт изучения особенностей политической организации кочевых обществ Центральной Азии эпохи поздней древности и раннего средневековья демонстрирует сложность общественных отношений, развитую систему «государственного аппарата», а так же наличие определённых групп населения, за-

нятых вопросах управления политикой кочевников (см. обзор: [12–16 и др.]). Данные разработки позволяют выделить категории «знать», «аристократия» и «элита» в социальной структуре кочевников, обозначить их признаки, а также проанализировать деятельность данных групп по материалам письменных и археологических источников.

Пазырыкская культура

Изучению социальных групп пазырыкского общества по материалам курганных могильников посвящена обширная научная литература, в рамках которой представлены различные модели общественной дифференциации кочевников (см. обзор: [17–20 др.]). Исследователями, как правило, выделяются три категории памятников, каждая из которых в дальнейшем разделяется на отдельные подгруппы. Так, М.П. Грязнов классифицировал имеющиеся памятники на три основные группы: 1) бедные, принадлежащие основной массе населения; 2) более богатые; 3) огромные «царские» курганы [18, с. 96]. С.В. Киселёв также выделял три категории курганов: рядовые, средние и огромные «курумы» [21, с. 327–339].

Подобное социальное разделение погребений также представлено в работах А.Д. Грача, где исследователь выделяет 1) царские курганы (Пазырык, Башадар, Туэкта); 2) погребения родовой дружинной аристократии (курганы с сопроводительными захоронениями коней); 3) погребения людей низших социальных групп, как правило, безинвентарные [17, с. 46–48]. Следует отметить, что трехчастное деление социальных рангов пазырыкских курганов вполне объективно. Как отмечает Л.С. Марсадолов, «классификации, подразделяющие все алтайские курганы эпохи древних кочевников на большие средние и малые, легко позволяют даже без раскопок отнести любой курган Алтая к той или иной социальной группе» [18, с. 97].

Тем не менее более детальный комплексный анализ характеристик погребений позволяет в каждой из трёх обозначенных дефиниций выделить несколько подгрупп, каждая из которых будет обладать собственными отличительными чертами. Л.С. Марсадоловым была предпринята дробная классификация социальных рангов пазырыкских курганов, где исследователь определяет девять позиций, заключенных в трёхчастной системе: 1) большие курганы (ранги I–II) – погребения вождей племён (ранг I – Туэкта 1, Пазырык 2, Пазврвк 3 и др.; ранг II – Башадар 2, Шибе, Катанда и др.); 2) средние курганы (ранги III–IV) – погребения представителей племенной знати (ранг III – Кутургунтас, Каракол 2, Ак-Алаха 3 и др.; ранг IV – Пазырык 6, Туэкта 7 и др.); 3) малые курганы (ранги V–VIII) – группы памятников основной части населения (Кок-су 1, к. 31, 26, Юстыд XII, к. 4, Арагол, к. 5 и др.). В отдельный ранг исследователем отнесены погребения «зависимых людей» (ранг IX),

произведенных либо внутри погребальной камеры племенных вождей (Пазырык 2, 5) или в заполнении могильной ямы (Башадар 10, Ак-Алаха 3, к. 1) [18, с. 98–99].

Таким образом, представленная выше социальная дифференциация пазырыкского общества, произведённая по материалам курганных памятников, позволяет достаточно чётко обозначить категории элиты, аристократии и знати кочевников. Так, погребениями элиты являются курганы, относящиеся по представленной выше классификации к рангам I–II. Следует отметить, что изучение элиты пазырыкского общества проводилось в работах П.К. Дашковского [22], где автор указывает на то, что «начиная с раннескифского периода у кочевников стала формироваться властная элита» [22, с. 241]. Анализ погребально-поминальной обрядности пазырыкской культуры и результаты палеосоциального моделирования [16] позволяют говорить о наличии элитных групп в обществе кочевников. Властная элита представлена вождями племён с соответствующей аристократией, которая складывалась преимущественно по кровнородственному принципу [22, с. 242].

Развитая социальная дифференциация «пазырыкцев», основанная на имущественной, ранговой, социальной, профессиональной и других категориях создавала оптимальную ситуацию для формирования строгой иерархичности общества, что находит широкое отражение в материалах погребений. Для знати пазырыкского общества характерны памятники, отнесенные Л.С. Марсадоловым к рангам III–IV, менее масштабные, чем «царские» курганы, но более многочисленные. Таким образом, знать кочевников данного периода включала в себя родственников правителей, глав семей и кланов, составляя достаточно широкую социальную группу.

Аристократия как общественная дефиниция формировалась по кровнородственным отношениям, ценностно-нормативная система которых не позволяла приток новых членов «со стороны». К числу аристократических родов следует отнести линидж правителя кочевой политики, а также некоторые другие роды, состоящие с ним в брачно-семейных связях. На материале курганных памятников данная группа маркируется в виде цепочки курганов, которая рассматривается исследователями как последовательное погребение членов одного рода [23, с. 49]. Аристократия занимала лидирующее положение в обществе, сосредотачивая в своих руках политическую, военную, экономическую сферу жизнедеятельности кочевников.

Таким образом, в кочевой среде Центральной Азии в скифо-сакский период, опираясь на достаточно широкий фактический материал, на примере пазырыкской культуры представляется возможным разграничить категории элиты, аристократии и знати. Знать в данный период являлась достаточно широкой

социальной группой, включавшей в себя «среднее звено» кочевого общества, и представленная широким набором археологических памятников. Элита «пазырыкцев» достаточно четко фиксируется по материалам «царских» курганов; она входит в категорию знати, однако, в отличие от последней, сохраняет замкнутость, тем не менее являясь открытой для рекрутирования. Аристократия кочевников представлена в первую очередь правящим родом, который оставляет «ядро» политической элиты, а также некоторых других родов, состоящих с правящим линиджем в брачных отношениях. В отличие от знати и элиты, аристократия кочевников является практически замкнутой, воспроизводящейся за счет собственных ресурсов социальной группой. Именно представители аристократии занимают ключевые позиции в аппарате управления кочевой политикой. На материалах погребальных памятников аристократия фиксируется по наличию ярко выраженных цепочек крупных курганов, которые возможно интерпретировать как родовой некрополь, масштабность погребальной обрядности которых указывает на принадлежность к высоким ступеням социальной иерархии.

Хуннская культура

Для хунну Центральной Азии характерно усложнение социально-политической системы и формирование первой в истории кочевых народов крупной политики – империи хунну [14]. Сам факт наличия подобного рода политической системы свидетельствует о высоком уровне социальной дифференциации кочевников и формировании институтов управления, необходимых для обеспечения нормального функционирования «государства».

Усложнение социальной структуры общества хунну опосредованно отразилось и в археологическом материале. Анализ хуннских захоронений показал, что их можно разделить на несколько групп, значительно отличающихся друг от друга по степени сложности погребальных конструкций и богатству инвентаря [24–34]. Данные группы памятников достаточно наглядно показывают особенности социальной стратификации хуннского общества.

Первая классификация могильников хунну создана Ю.Д. Талько-Гринцевичем, которым было произведено обследование в конце XIX в. большинства известных памятников хунну в Забайкалье. Основываясь на характеристике внутримогильного сооружения, он разделил погребения на две группы: 1) погребения в листовенных срубках. В данную категорию попало подавляющее большинство могил, для которых характерным внешним признаком было наличие курганной насыпи (Ильмовая падь, Бурдун); 2) Погребения в листовенных гробах. Данный тип памятников был обнаружен главным образом в Дэрестуйском могильнике, где внешние признаки могил либо вообще отсутствовали, либо были вы-

ражены небольшими каменными набросками [24, с. 109–110].

Основа данного деления впоследствии была воспринята Г.П. Сосновским, который, дополнив её фактическим материалом, обозначил первую группу памятников как суджинский тип, а вторую – как дэрестуйский. Подобная классификация хуннских памятников прочно вошла в научный оборот, ограничив дальнейшие попытки создания какой-либо палеосоциологической модели по материалам могильников хунну. Данное обстоятельство объясняется не только простотой и наглядностью данного разделения, но также и дефицитом раскопанных памятников, что не позволяет создать соответствующую социальную реконструкцию [35, с. 53].

Имеющиеся опубликованные материалы раскопок хуннских погребений дают возможность произвести их ранжирование в соответствии с социальным статусом умершего, что позволит выделить на основе археологического материала категории аристократии, элиты и знати хунну. Следует отметить, что исходя из особенностей конструкции курганной конструкции выделяются могилы с подквадратной в плане насыпью и дромосом, относящиеся к привилегированным слоям общества, а так же крупные погребения с круглой насыпью, принадлежащие к военно-дружинной группе кочевников [36, с. 41].

Наиболее масштабные курганы хунну представлены погребениями в Ноин-Уле (к. 6, 20, 24 и др.) [33; 34; 37] и пади Царам [31, 38]. Характерными отличиями данной группы являются: 1) наличие мощной насыпи с ярко выраженным дромосом; 2) погребения в двойных срубках и гробе; 3) богатый сопроводительный инвентарь с обширным комплексом импортных вещей; 4) возможные человеческие жертвоприношения.

Менее крупные курганные памятники хунну возможно разделить на две группы: 1) погребения с дромосом, внутримогильная конструкция представлена одним срубком, количество инвентаря небольшое, импортные вещи отсутствуют или достаточно малочисленны (андреевский курган Ноин-Улы, Ноин-Ула, к. 46, Ильмовая падь, к. 54); 2) крупные погребения с округлой насыпью без дромоса, внутримогильная конструкция представлена гробом, помещенным в сруб, имеются погребения жертвенных животных, фиксируемых по наличию в могиле голов крупного рогатого скота (Ильмовая падь, Черёмуховая падь, Дэрестуйский могильник).

Таким образом, для элиты хуннского общества характерны памятники первой группы, представленные большими курганами с дромосом. Проведённые изучения элитных групп хунну показали, что абсолютным лидером в среде политической элиты являлся, несомненно, шаньюй. Кроме него данным социальным статусом обладали все лица, входящие в правящий род Люанди – жёны (яньчи), сыновья (гуту), принцессы

(цзюйцзы), младшие братья и другие родственники правителя, которые располагались в его ставке, составляя аппарат управления империей [39, с. 101; 40; 41, с. 59; 14, с. 143].

Аристократия как социальная категория хуннского общества трудно фиксируется по материалам погребальных памятников, однако данные письменных источников позволяют с большой точностью реконструировать аристократические роды сюнну, к которым относятся собственно правящий род Люаньди, а также Хуань, Лань и Сюйбу [14, с. 148], с которыми поддерживались брачные отношения [42, с. 329]. Аристократия закрепляла за собой посредством наследования наиболее важные административные и военные должности, создавая тем самым стабильную платформу управления империей, составляя ядро политической элиты.

Огромный территориальный охват Хуннской державы определяет возникновение широкого слоя «среднего звена», который можно обозначить как знать. Вожди племён и этноплеменных объединений, обозначаемые в китайских источниках общим термином «князь» (ван), обладали достаточной автономностью в границах вверенных им владений. Каждый из них имел в своем подчинении определенное количество кочевников и скота, при этом их положение на иерархической лестнице определялось числом подвластных им людей [15, с. 151]. Письменные источники упоминают о 24 старейшинах, каждый из которых «для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляют у себя Ду-юй, Данху и Цзюйкюев» [43, с. 49].

На материалах археологических памятников данный слой хуннского общества фиксируется до-

статочно отчетливо. С ним можно соотнести могилы с дромосом, а также курганы с округлой насыпью, имеющие в качестве погребальной конструкции гроб в срубе [26; 36, с. 39; 44, с. 84–85 и др.]. В социальной планиграфии дэрсуйского могильника выделяются обособленные группы, включающие в себя курганы, грунтовые захоронения без внешних признаков, погребения жертвенных животных, ямы различного назначения [28, с. 115]. В каждой группе имеется отчетливая тенденция к расположению захоронений комплексами, различными по своей структуре. Композиционным центром каждого комплекса является курган каменной насыпью. Вокруг него располагаются остальные захоронения, как правило, не имеющие внешних признаков, более простые по конструкции и бедные по инвентарю [28 с. 116; 29]. Данные комплексы можно рассматривать как родовой некрополь группы населения, занимающей среднее положение в социальной иерархии, и соотносимой с понятием «знать», возможно, представителей «двойной» элиты покоренных территорий [41, с. 60].

Таким образом, из приведённого материала видно, что «элита», «знать» и «аристократия» являются хоть и смежными взаимопроникающими категориями, но, тем не менее, обладающими собственными характерными признаками. Для каждой из рассмотренных культур формируются свои отличительные особенности данных понятий, но представляется возможным выделить маркирующие их признаки по археологическим материалам и данным письменных источников. Подобное определение терминологии позволит, с одной стороны, придать ясность палеосоциологическим реконструкциям, а с другой – показать многообразие общественных отношений кочевников.

Библиографический список

1. Политология : энциклопедический словарь. – М., 1993.
2. Джери Д., Джери Дж. Аристократия // Большой толковый социологический словарь. – М., 2001.
3. Зубец О.П. Аристократизм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2000. – Т. 1.
4. Тощенко Ж.Т. Аристократия // Политическая энциклопедия : в 2 т. – М., 1999.
5. Словарь исторический: личности, общество, политика. – М., 1998.
6. Кредер А.А. Аристократия // Словарь по новейшей истории. – М., 1998.
7. Васильева Л.Н. Теория элит (синергетический подход) // ОНС. – 2005. – №4.
8. Ашин Г.К. Современные теории элиты. – М., 1985.
9. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов Е.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии : учебное пособие. – М., 1999.
10. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. – 1994. – №10.
11. Ожегов С.И. Знать // Словарь русского языка. – 25-е изд. – М., 2006.
12. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул, 2009.
13. Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система // Проблема археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово, 1989. – Ч. 1.
14. Крадин Н.Н. Империя хунну. 2-е изд. – М., 2001.
15. Крадин Н.Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII Международный конгресс монголоведов. – М., 2002.
16. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003.
17. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980.

18. Марсадоллов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири : материалы Всероссийской научной конференции. – Барнаул, 1997.
19. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М. ; Л., 1953.
20. Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983.
21. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
22. Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии: сборник научных трудов / под ред. А.В. Харинского. – Иркутск, 2005.
23. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул, 2007.
24. Давыдова А.В. О классификации и хронологии памятников сюнну // Проблемы археологии. – Вып. 2. – Л., 1978.
25. Давыдова А.В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Советская археология. – №1. – 1982.
26. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.
27. Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ, 2008.
28. Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово, 1989. – Ч. I.
29. Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб., 1998.
30. Миняев С.С. Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – №2.
31. Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. – 2007. – №1.
32. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XII. – Ч. 1. – Новосибирск, 2006.
33. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №2.
34. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М. ; Л., 1962.
35. Цэвээндорж Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.
36. Доржсурен Ц. Раскопки могил в горах Ноин-Ула // Монгольский археологический сборник. – М., 1962.
37. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №4.
38. Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. – 2007. – Вып. 14.
39. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введ., пер. и прим. В.С. Таскина. – М. 1973. – Вып. 1.
40. Мейкшан И.А. Проблема совмещения элит в кочевом обществе хунну Центральной Азии // Актуальные проблемы социально-политического и религиозного пространства России. – Вып. 4. – Барнаул, 2008.
41. Мейкшан И.А. К проблеме выделения элиты хунну Центральной Азии (по материалам письменных источников) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Вып. 7 / под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. – Горно-Алтайск, 2008.
42. Сыма Цянь. Исторические записки / пер. и комм. Р.В. Вяткина. – М., 2002. – Т. 2.
43. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 4 т. – М. ; Л., 1950.
44. Данилов С.В. Ильмовая падь – некрополь хунну // Палеоэкология человека Байкальской Азии / отв. ред. Л.В. Лбова. – Улан-Удэ, 1999.